

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2022.6.2

EDN CJRKWA



Тип статьи в журнале – научная

**ПАРАДОКСЫ  
ТЕРРИТОРИАЛЬНО-  
ПРОСТРАНСТВЕННОГО  
РАЗВИТИЯ РОССИИ**

**THE PARADOXES  
OF SPATIAL  
DEVELOPMENT  
IN RUSSIA**

© 2022 г.

**О. В. Аксенова\***

© 2022

**O. V. Aksenova\***

*\*Институт социологии  
Федерального научно-исследовательского  
социологического центра Российской  
академии наук,  
г. Москва, Россия*

*\* Institute of Sociology of the Russian  
Academy of Sciences of the  
Federal Research Sociological Center  
of the Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russia*

**Цель исследования** – выявление основных тенденций развития российских регионов, сформировавшихся на протяжении всего постсоветского периода. В статье представлены результаты ретроспективного анализа данных, полученных в ходе исследований российских регионов с начала 1990-х годов по 2022 г.

**Objective of the study is** to identify the main trends in the development of Russian regions that were formed throughout the post-Soviet period. The article presents the results of a retrospective analysis of data obtained in the course of studies of Russian regions from the early 1990s to 2022.

**Методологическая база исследования.** В ходе исследования использовались различные теоретико-методологические подходы, включая акционизм А. Турена, акторно-сетевую теорию, концепцию общества всеобщего риска, концепт системной аварии Ч. Перроу и ряд других, в том числе разработанный автором статьи подход, основанный на противоречии свободного и нормированного действия. В исследованиях использовались качественные методы сбора и анализа данных. Ретроспективное изучение их результатов построено на трактовке глобализации как потоков и сетей и теории глобального города.

**The methodological basis of the research.** In the course of the study, various theoretical and methodological approaches were used, including A. Touraine's actionism, actor-network theory, the concept of a society of universal risk, the concept of a systemic accident. Perrow and a number of others, including the approach developed by the author of the article based on the contradiction of free and normalized action. Qualitative methods of data collection and analysis were used in the research. A retrospective study of their results is based on the interpretation of globalization as flows and networks and the theory of the global city.

**Результаты исследования.** В статье показано, что территориально-пространственное развитие не тождественно развитию

**Research results.** The article shows that spatial development is not identical to regional development, and economic development in the re-

региональному, а экономическое развитие в региональном пространстве может быть не связанным или связанным слабо с жизнедеятельностью местного социума. Его основными акторами являются московские (по месту регистрации и уплаты налогов) корпорации. Формализация и бюрократизация федерального управления повышает возможности его централизации, что не способствует региональному развитию. Управление в российских условиях всегда сочетало централизацию с определенной свободой действия региональных и локальных акторов по причине обширности территории и разнообразия региональной жизни. Отсутствие автономии в принятии решений на региональном и локальном уровнях, стандартизация требований в жизненно важных для населения сферах (образования и здравоохранения) ведут к их деградации и в итоге становятся факторами депопуляции обширных территорий. Современные территориально-пространственные трансформации ориентированы на формирование характерной для эпохи глобализации сети коммуникаций с крупными агломерациями в качестве узлов. К развитию регионов она имеет косвенное отношение, осуществляясь на их территории и за счет их ресурсов. В статье также продемонстрирована традиционная для России связь промышленного и социокультурного развития на примере Челябинской области. Показано, что технократический характер современных трансформаций ведет к формированию космополитической идентичности.

**Перспективы исследования** связаны с дальнейшим исследованием основных векторов территориально-пространственного развития российских регионов, с которыми связано экономическое, технологическое и социокультурное развитие России в целом.

**Ключевые слова:** региональное развитие; территориально-пространственное развитие; стратегии управления; глобализация; агломерация; глобальные потоки; сети коммуникаций.

gional space may be unrelated or poorly connected with the vital activity of local society. Its main actors are Moscow (at the place of registration and payment of taxes) corporations. The formalization and bureaucratization of the federal administration increases the possibilities of its centralization, which does not contribute to regional development. Governance in Russian conditions has always combined centralization with a certain freedom of action of regional and local actors due to the vastness of the territory and the diversity of regional life. The lack of autonomy in decision-making at the regional and local levels, standardization of requirements in vital areas for the population (education and health) lead to their degradation and, as a result, become factors of depopulation of vast territories. Modern spatial transformations are focused on the formation of a communication network characteristic of the era of globalization with large agglomerations as nodes. It has an indirect relation to the development of regions, being carried out on their territory and at the expense of their resources. The article also demonstrates the traditional connection between industrial and socio-cultural development in Russia on the example of the Chelyabinsk region. It is shown that the technocratic nature of modern transformations leads to the formation of a cosmopolitan identity.

**Prospects of the study** are connected with further research of the main vectors of territorial and spatial development of Russian regions, which are associated with the economic, technological and socio-cultural development of Russia as a whole.

**Keywords:** regional development; spatial development; management strategies; globalization; agglomeration; global flows; communication networks.

## Введение

Актуальность исследований регионального развития в России очевидна, но особо высока она в нынешних стремительно меняющихся социально-политических и социально-экономических условиях. Ретроспективный анализ данных, полученных в проектах, которые сотрудники нынешнего Центра изучения регионов России осуществляли с начала 1990-х годов до 2022 г., выявил целый ряд весьма противоречивых тенденций в региональном развитии. В данной статье представлены наиболее отчетливые и устойчивые из них.

## Методы

Исследования велись практически по всей территории страны, от Псковской и Курской областей до Сахалина и Камчатки. В 2021–2022 гг. они осуществлялись в Приморье, Хабаровском крае, Еврейской автономной области и Челябинской области. Изучался широкий спектр процессов и феноменов российской жизни, включая непосредственно развитие как социальную реальность и влияние на него глобальных трендов. В ходе исследования использовались различные теоретико-методологические подходы, включая акционизм А. Турена (Турен, 1998), акторно-сетевую теорию (Latour, 2005), концепцию общества всеобщего риска (Бек, 2000), концепт системной аварии Ч. Перроу (Perrow, 1984) и ряд других, в том числе разработанный автором статьи подход, основанный на противоречии свободного и нормированного действия (Аксенова, 2016; Бек, 2000). В исследованиях использовались качественные методы сбора и анализа данных. Ретроспективное изучение их результатов построено на трактовке глобализации как потоков и сетей (Urry, 2003) и теории глобального города (Sassen, 2005. P. 27-43).

## Результаты. Освоение пространства или развитие регионов

Территориально-пространственное развитие не равно развитию регионов и локальностей (небольших городов, поселков, деревень), более того, может и не совпадать с ним. Глобальный мир начал разрушаться на наших глазах, однако, как показали наши исследования 2021–2022 годов, социально-экономическое развитие на территории страны пока еще полностью подтверждает интерпретацию глобализации как формирования потоков и сетей, не связанных с местной социокультурной средой. В российских регионах строятся предприятия, дороги, мосты и т. п., благоустраиваются города, восстанавливается, а в черноземных регионах стремительно развивается, сельское хозяйство. Прогресс по сравнению даже с 2010-ми годами кажется очевидным.

На самом деле ситуация гораздо сложнее. В регионы приходит крупный бизнес, который с ними не связан экономически: налоги он платит в Москве, за редким исключением (например, администрации Кольского района Мурманской области удалось добиться налоговых отчислений в местный бюджет от ледокольных верфей). На предприятиях используется труд приезжих. В сельском хозяйстве агрохолдинги занимают обширные территории, не используя местную рабочую силу. Современные технологии и не требуют большого числа работников. В итоге формируются промышленные и инфраструктурные узлы и сети коммуникаций. Возникает эффект своего рода «пикника на обочине»<sup>1</sup>: региональная и локальная жизнь никак не связана с происходящим в «узлах», но получает какие-то минимальные блага от их соседства (например, развитие мелкой розничной торговли, аренды квартир).

В туристических регионах взаимосвязи между прогрессом и местной жизнью может быть больше, но и разрыв между ними заметнее. Например, в Республике Алтай построены дорогие отели. Работают в них приезжие, хотя попытки нанять местных жителей предпринимались. Дело не в особом коварстве крупного капитала, причины экономические (минимизация издержек), а иногда и социокультурные. По словам наших респондентов, они не смогли работать в условиях полной обезличенности персонала и весьма жестких правил трудовой деятельности. Параллельно развивается туризм в среднем или дешевом ценовом секторе, в котором уже полностью заняты местные жители, а культурные особенности являются не препятствием, а преимуществом местного бизнеса. Эти две сферы практически не связаны друг с другом, но дорогие отели и туристические базы занимают пространство и определенным образом его осваивают, используют территории и ресурсы региона. Иными словами, территориально-пространственное и региональное (иногда местное) развитие осуществляются параллельно и не имеют точек пересечения.

Глобальные потоки в рассматриваемом случае имеют условно московское происхождение (по месту регистрации, уплаты налогов, расположения головного офиса), что порождает негативное отношение к «московским пришельцам» в частности и Москве как федеральному центру в целом.

Развитие управления не менее очевидный факт, чем развитие экономическое. Восстановлены разрушенные в 1990-е годы связи между регионами и центром в государственных отраслях, в образовании и

---

<sup>1</sup> Имеется в виду роман А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине».

здравоохранении в первую очередь. Однако парадоксальным образом такое развитие ведет к усилению процессов деградации регионов. Оно ориентировано на формализованные, технологические образцы западного менеджмента, на формирование технологической системы, построенной полностью на стандарте и запрограммированном действии. Б. Латур в указанной выше теории акторских сетей фиксирует именно ее специфику. Субъектность всех элементов технологической цепочки одинакова, что означает в реальности минимизацию субъектности человека. Для того, чтобы понять, почему в России данная модель управления становится значимым фактором депопуляции обширных территорий, необходимо обратиться к недавней истории регионов.

### **Обсуждение. Децентрализованная централизация**

По мнению американского социолога Ч. Перроу, который изучал техногенные аварии и катастрофы, система не может быть централизованной и децентрализованной одновременно (Perrow, 1984. P. 10). Однако такое парадоксальное сочетание для России всегда было нормой. Даже кажущаяся весьма жесткой советская централизация сталинской эпохи сочеталась с определенной автономией принятия решений. В противном случае функционирование управления не могло быть результативным в принципе, а скорее всего было бы и вовсе заблокировано: большие расстояния, слабые средства коммуникации, высокий уровень регионального разнообразия, который из центра учесть невозможно. Регионы, а во многих случаях и локальные поселения (малые города, поселки, деревни), смогли существовать практически самостоятельно в 1990-е и 2000-е годы, когда управленческие коммуникации с центром почти не работали. В иных случаях главы местных администраций предпочитали их не развивать, чтобы не получать множество невыполнимых в тех условиях указаний. Именно так объяснял свое нежелание обзаводиться электронной почтой глава одного из районов Брянской области в самом начале 2000-х годов.

Принцип «раз мы далеко от центра – сами будем центром» мы также услышали от респондентов в этот период. Однако, как показали наши исследования, он работал и в советскую эпоху. Более того, централизованное освоение территорий сопровождалось и культурным развитием регионов и локальностей, сочетаясь с местной самоорганизацией. В строящийся Братск приезжали творческие коллективы из Москвы и Ленинграда, его жители создавали собственные художественные и поэтические объединения, многие из которых сохранились в постсоветское время. Ярким примером такого рода развития является и Челябинская

область. Ее индустриализация исторически сопровождалась созданием своей, уникальной культуры, неотделимой от промышленности, начиная заводов художественного литья Златоуста и Касли, основанных в середине XVIII и в начале XIX веков. В советское время в области развивалась и сама высокая культура, и множество способов донесения ее до всех без исключения жителей области (изостудий, музыкальных школ, театров, кружков). Непосредственно на заводе организовывались концерты классической музыки. Заводы региона до сих пор поддерживают музыкантов, художников, музеи и библиотеки, сохраняя и развивая культурную среду региона. В Магнитогорской государственной консерватории в 1996 году была основана кафедра хореографического искусства<sup>1</sup>. Но Челябинская область – мастерская, остров промышленного модерна, его слабо затронули волны глобализации и постиндустриализма. Попытки выстраивания технологических цепочек с минимизированной субъектностью человека здесь, по полученным нами данным, провалились.

Централизация в сфере образования и здравоохранения также сочеталась с автономией и самоорганизацией. Оценивался конечный результат, а каким образом (в том числе и организационным) он достигался, определялось исполнителем на месте. Возникали уникальные структуры, например, служба педиатрии, организованная доктором О. Ф. Краузе в Череповце (Аксенова, 2016. С. 155–159). Ангарскими комсомольцами и учительницей математики Васильевой Валентиной Афанасьевной была создана математическая школа в г. Ангарске, в которую принимали всех желающих. Нежелающие уходили сами, так как учиться было трудно. Практически все ее выпускники поступали в ведущие вузы страны.

Эта региональная и локальная самоорганизация была действенной примерно до середины 2015 года и во многом держалась за счет ценностных установок советского поколения профессионалов и их учеников. Стратегия формирования высокотехнологических центров в здравоохранении обернулась закрытием фельдшерско-акушерских пунктов и началом деградации районных больниц. Стандартизация образования и медицины по западному образцу процесс многократно усилила.

Руководители и работники всех государственных отраслей теряют субъектность, которую сохраняли исторически длительное время, даже в сталинскую эпоху. Функционирование всех бюджетных структур пре-

---

<sup>1</sup> ГБОУ ВО Челябинской области Магнитогорская консерватории им. М. И. Глинки. – URL: <https://www.magkmusic.com/obshchie-svedeniya/struktura-konservatorii/fakultety-i-kafedry/kafedry/khi.html> (дата обращения: 05.12.2022).

дельно регламентировано. Такое «наведение порядка» стало существенным фактором депопуляции территорий. Закрываются школы, отделения в районных больницах и сами больницы, так как они не могут соответствовать требуемым стандартам, а попытки что-то изменить своими силами, посредством самоорганизации сообщества, привлечения местного бизнеса, административно наказуемы. Забота о безопасности детей приводит к тому, что они больше не могут участвовать во всероссийских конкурсах, спортивных соревнованиях и т. п., так как у районов нет средств на покупку автобуса, отвечающего всем требованиям. В одном из вполне благополучных поселков молодежь водит машины без прав. Эта весьма опасная ситуация парадоксальным образом стала результатом стремления обеспечить безопасность: у района нет возможностей организовать автошколу, отвечающую всем требованиям.

Все перечисленное стало значимым фактором выбора молодыми людьми жизни в большом городе, где в шаговой доступности больницы и поликлиники, есть возможность заниматься спортом и т. п. Еще недавно, в 2013 году, молодые респонденты из небольших городов говорили о нежелании переезжать, о том, что они хотели бы жить там, где родились. Главным фактором миграции тогда было отсутствие работы. В 2021–2022 годах позиция изменилась практически радикально, молодежь ориентирована на смену места жительства, в районах остаются школьники, которые учились плохо и по этой причине не смогли уехать.

Обозначенная выше стратегия создания высокотехнологических точек роста, концентрация населения в ограниченном числе агломераций является своего рода идеально моделью. На деле тенденция депопуляции территорий выглядит иначе: из районного города (села) переезжают в региональный центр, оттуда в Москву и Санкт-Петербург, в Краснодарский край (чаще всего туда едут северяне), из Москвы отправляются за границу. Иногда за рубеж уезжают непосредственно из регионов. В итоге деградируют и региональные центры. Обратную зависимость между развитием экономическим и управленческим и развитием региона уловить сложно, если она не измеряется количеством рабочих мест и уровнем доходов. Так, перемещение Университета на остров Русский лишило Владивосток студенческой молодежи, которая была частью городской социокультурной среды, создавала и воспроизводила ее.

Стратегии регионального развития носят в основном формальный характер, их сложно найти на официальных сайтах администраций или правительств регионов, исполнять их объективно сложно в меняющейся, турбулентной реальности (Аксенова, 2019. С. 9–17). Тем не менее в них содержится общая установка на унификацию и стандартизацию жизнен-

ного пространства, отражающая сложившиеся тренды. В начале 2000-х об унифицирующей роли глобализации писал З. Бауман в книге «Глобализация», которая скорее эссе, чем научное исследование. Однако последующие события подтвердили его выводы. Модель глобального пространства, по мнению Баумана, уже существовала, ею фактически была столица Бразилии, выстроенная по плану Ле Корбюзье: «Как позволяли предположить постулаты архитектурного модернизма в стиле Корбюзье, в Бразилиа можно было бы сконструировать пространство по мерке человека (или, точнее, всего того, что поддается измерению в человеке), то есть пространство, откуда случайность и неожиданность изгнаны окончательно и бесповоротно. Однако для своих жителей Бразилиа превратилась в кошмар. Ее незадачливые жертвы мгновенно вызвали к жизни понятие “бразилита” – нового патологического синдрома, прототипом и эпицентром которого по сей день остается Бразилиа. Самыми заметными симптомами бразилита, по общему мнению, является отсутствие толп и тесноты, пустые перекрестки, анонимность окрестностей и безликость человеческих фигур, цепенящая монотонность среды, где ничто не способно удивить, озадачить или заинтересовать... Возможно, Бразилиа была пространством, идеально структурированным для проживания гомункулов, рожденных и выращенных в пробирках; для существ, слепленных из административных задач и юридических формулировок. Она, несомненно, являлась (по крайней мере, по замыслу создателей) пространством, идеально прозрачным для тех, кто выполняет административные задачи и озвучивает их содержание. Признаем, она была бы также безупречно структурированным пространством для идеальных, воображаемых жителей, отождествляющих счастье с беспроблемной жизнью, поскольку в ней отсутствуют неоднозначные ситуации, нет необходимости делать выбор, не существует риска и шанса на приключение. Для всех остальных город оказался пространством, лишенным подлинной человечности, – всего, что наполняет жизнь смыслом и ради чего стоит жить» (Бауман, 2004. С. 26).

Обширная цитата приведена здесь потому, что к настоящему времени создается множество пространств разного назначения, заставляющие вспомнить слова мыслителя. Бразилиа – создание модерна, с его структурной строгостью, открытыми конструкциями и необходимостью минимизации рисков. Однако и нынешние требования прозрачности и безопасности неизбежно ведут к конструированию безжизненной среды, но теперь можно предположить, что она в свою очередь формирует человека, для которого будет идеальным местом жительства, меняет представления о творчестве, устраняет потребность в приключении и риске.



Так, кванториумы, заменяющие в регионах Дома юного техника, организованы с учетом всех современных требований безопасности, но для представителя старших поколений они пусты и скучны. Для тех, кто в них вырастет, возможно, станут нормальной средой.

Глобалистские тренды территориально-пространственного развития российских регионов неизбежно входят в противоречие с необходимостью возврата к развитию национальному, к требованиям воспитания патриотизма. В данной сфере обнаружены также противоречивые тенденции. Региональная идентичность (и региональный патриотизм) существовали и сочетались с идентичностью российской со времен СССР и, возможно, ранее. В настоящее время наметился разрыв между ними, он еще не измеряем количественно, но уже проявляется в качественных исследованиях, проявляется не только в неприязни к Москве, которая «все у нас захватила», но и в ощущении заброшенности своего региона и по этой причине его удаленности от «России». При этом потребность в восстановлении российского патриотизма все еще достаточно велика. Есть еще одна, весьма важная тенденция – космополитическая идентичность молодежи, школьной и студенческой, которая подтверждается их действиями. Отток молодежи в крупные центры, в столицу, за рубеж – уже процесс очевидный, не требующий доказательств.

### Заключение

Парадоксальность российского территориально-пространственного развития объективно обусловлена столкновением унифицирующих трендов современной глобализации с российскими традициями регионального развития. Глобализация распадается на уровне политическом и замедляется на экономическом, но продолжает существовать. Ее технологизм, технократизм, стандартизирующая сила для российского регионального многообразия разрушительны. Постмодерн претендует на высокое разнообразие, но при этом унифицирует все, до чего смог дотянуться. Советский модерн соединял промышленное и культурное развитие, допуская вариативность последнего, несмотря на кажущуюся жесткость и стандартность централизации.

Главная проблема заключается в том, что территориальное пространственное развитие посредством создания сети коммуникаций и «точек роста» противоречит задачам развития регионов и в итоге развитию страны. Точки роста в агломерациях его не обеспечивают, но высасывают из окружающих и удаленных территорий все ресурсы, включая человеческие. Депопуляция обширных пространств в нынешней ситуации опасна, в особенности это касается приграничья. Высокие техноло-

гии, цифровизация, умные города сами по себе, без их соединения с культурой также обеспечивают развитие не регионов и даже не территорий, но протекающих по ним глобальных потоков. Развитие на территориях не есть развитие территорий.

Унифицированное управление, направленное на объединение страны на практике, ведет к противоположным результатам. Стандарт не позволяет принимать нестандартные решения, не оставляет пространства для маневра, необходимого в российских условиях. В то же время зарплаты специалистов зависят от регионального бюджета, что приводит к их переезду в Москву и Санкт-Петербург, туда, где доходы выше. Кроме того, создан образ благополучного Центра, в конструирование которого немалый вклад внесли и федеральные СМИ. Образа России регионов они не создают. По нашим наблюдениям, попытки предпринимаются, но довольно быстро угасают.

Модель сети высокотехнологичной сети и «точек роста», строительство глобальных городов, описанных в концепции Саскии Сассен, на российской территории будет формировать скорее космополитический тип идентичности, ориентацию на комфорт, на успех, на высокий уровень именно технологического развития, поскольку из данной модели удалена социокультурная, ценностная составляющая. Злой воли в этом нет, есть объективно обусловленные глобальные процессы, противостоять которым вряд ли было возможно. Однако ситуация меняется, важность именно регионального развития, в котором экономическое, технологическое и социокультурное развитие связаны, в нынешних условиях, с нашей точки зрения, растет.

### Литература

Аксенова О. В. Стратегия развития российских регионов: официальная версия / О. В. Аксенова // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 1. – С. 9–17. – DOI 10.31171/vlast.v27i1.6192. – EDN YZPVDV.

Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. – Москва: Институт социологии РАН, 2016. – 304 с. – ISBN 978-5-89697-260-0. – EDN VYBENB.

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – Москва: Весь Мир, 2004. – 188 с. – ISBN 5-7777-0303-8.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Ульрих Бек; пер. с нем.

### References

Aksenova O. V. (2019) Development strategy of Russian regions: official version / O. V. Aksenova // Power. – Vol. 27. – No. 1. – Pp. 9-17. – DOI 10.31171/vlast.v27i1.6192.

Aksenova O. V. (2016) Paradigm of social action: Professionals in Russian modernization. – Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. – 304 p. – ISBN 978-5-89697-260-0.

Bauman Z. (2004) Globalization. Consequences for man and society / Translated from English. – Moscow: Publishing House “The Whole World”. – 188 p. – ISBN 5-7777-0303-8.

Beck U. (2000) Risk society. On the way to another Art Nouveau / Ulrich Beck; trans. from Ger-

В. Седельника и Н. Федоровой. – Москва: Прогресс-традиция, 2000. – 381 с. – ISBN 5-89826-059-5.

*Tурен А.* Возвращение человека действующего = *Le retour de L'acteur* : Очерк социологии / Алэн Турен; [Пер. с фр. Е. А. Самарской]. – Москва: Науч. мир, 1998. – 203 с.

*Latour B.* Reassembling the social An Introduction to Actor-Network – Theory. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 10 p.

*Perrow Ch.* Normal accidents. Living with high-risk technologies. – N. Y.: Basic Books, 1984. – 386 p.

*Sassen S.* The global city: introducing a concept // *Brown journal of world affairs*. – 2005. – № 11(2). – P. 27–43.

*Urry J.* *Global Complexity*. – Cambridge: Polity, 2003. – 184 p.

**Для цитирования:** Аксенова О. В. Парадоксы территориально-пространственного развития России // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11. – № 6(58). – С. 48–58.  
DOI 10.18522/2227-8656.2022.6.2  
EDN CJRKWA

#### Сведения об авторе

**Аксенова Ольга Владимировна**



Доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения регионов России, Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

117218, г. Москва,  
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5,  
e-mail: illaio@yandex.ru

man V. Sedelnik and N. Fedorova. – Moscow: Progress-Tradition. – 381 p. – ISBN 5-89826-059-5.

*Touraine A.* (1998) The return of the acting man = *Le retour de L'acteur* : An essay in sociology / Alain Touraine; [Translated from the French by E. A. Samarskaya]. – Moscow: Scientific World. – 203 p.

*Latour B.* (2005) Reassembling the social An Introduction to Actor-Network – Theory. – Oxford: Oxford University Press. – 10 p.

*Perrow Ch.* (1984) Normal accidents. Living with high-risk technologies. – N. Y.: Basic Books. – 386 p.

*Sassen S.* (2005) The global city: introducing a concept // *Brown journal of world affairs*. – No 11(2). – Pp. 27-43.

*Urry J.* (2003) *Global Complexity*. – Cambridge: Polity. – 184 p.

#### История статьи:

Поступила в редакцию – 25.10.2022 г.

Получена в доработанном виде –  
29.11.2022 г.

Одобрена – 02.12.2022 г.

#### Information about author

**Olga V. Aksenova**

Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Head of Center for the Study of Russian Regions, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

117218, Moscow,  
Krzhizhanovsky str., 24/35, build. 5,  
e-mail: illaio@yandex.ru